

ПРОБЛЕМА

Меня зовут Чак Ч., я алкоголик. Я не знаю, когда я чувствовал такую признательность, как сейчас. Банда собравшихся здесь послушать мой лай в течение шести собраний – это нечто. Спасибо, что пришли. И тех, кто приехал, чтобы просто сбежать от своих жён, я также хочу поблагодарить. Как здорово видеть всех вас – вы прекрасны. Я люблю вас.

Эта неделя выдалась довольно бурной. В понедельник в Пасадине похороны одного дружка, которому был 51 год. Он толкал речь в АА и прямо на середине рухнул и больше не встал. Сердце. Это было в понедельник, а во вторник добавился ещё один. Этот был одним из первых в Комтонской Группе. Пришёл в неё, когда она только зародилась. Старик Текс М. был трезвым двадцать один год. Ему пришлось туго потому, что он был ещё и заядлым игроком. Он обожал играть. И он выигрывал, и он проигрывал иногда. Последний раз в Лас-Вегасе он выиграл семнадцать тысяч в кости. Он отдал деньги жене и сказал: «Пошли их домой», но она не послала. Она положила их в сейф в отеле, и он проиграл почти всё до отъезда! Он относился к этому, как к шуточке. Считал свою жену виноватой целиком и полностью, потому что он сказал ей отослать их домой. И вот он снова поехал играть, с ним случился сердечный приступ, и он покинул нас. Пришлось хоронить его во вторник.

В среду я получил торт на двадцатидевятилетие, что для такого мямли идиота пропойцы трудно представить. Двадцать девять лет без выпивки и таблеток. Очень даже неплохо. И вот, чтобы закончить неделю, я могу поделиться с вами, а вы со мной. Ещё раз огромное вам спасибо, что пришли.

Я думаю, что правильно будет начать с проблемы. Этот слёт предполагает тематику «во всех наших делах». В Двенадцатом шаге сказано: «*Достигнув духовного пробуждения как результат этих шагов...*» (имеются в виду первые одиннадцать) «... мы старались донести наши идеи до других алкоголиков и применять эти принципы во всех наших делах». Во всех наших делах.

И, думая о проблеме, я вспоминаю первого протрезвевшего в Хьюстоне кореша из Техаса. У него, кажется, тогда уже было где-то тридцать пять лет трезвости. Он в пол-Техаса в ширину и Техас с половиной в высоту.

Вот его история. Он говорил, что если ты пытаешься решить проблему, то не плохо бы знать, в чём именно она заключается. Например, он рассказывал: *«Я всегда боялся собак. Какая-нибудь красотка гуляет с догом на поводке, и она не боится его (пудель выскочит и я наутёк!)»*. Он больше двух метров ростом – представляю его себе, бегущим от пуделя! Он говорил, что ему часто было стыдно из-за этого, и он понял, что ему необходимо разобраться в причинах этого страха. Долго он копался в своей прошлой жизни и откатился в памяти аж до семилетнего возраста. Он вспомнил, что когда ему было семь, маленькая собачка укусила его, и поэтому он стал бояться собак. Но это объяснение не принесло ему облегчения. И тогда он вспомнил, что собака укусила его потому, что он гнался за какой-то девчонкой. Так вот, он говорит: *«Всю жизнь я гонялся за женщинами, попадая в передраги, и убегал от собак; так что собаки изначально не являлись моей проблемой!»*.

Вот потому-то он и говорит, что надо знать, в чём заключается проблема.

Я тоже так думаю. Я скажу вам, что является проблемой, и я скажу вам, каким я вижу её решение. Среди вас найдутся те, кто не согласится со мной, и это нормально. Но если я буду говорить, то я должен сказать, как это вижу я. Когда мы пришли сюда, нашей непосредственной проблемой была выпивка. Алкоголь. Он пригнал нас сюда. И меня он пригнал сюда после двадцати пяти лет беспробудного пьянства потому, что у меня больше не было сил продолжать этот бой с бутылкой. Итак, я пришёл сюда в расцвете своих сорока трёх лет, потерпев полный крах во всех аспектах жизни: как муж, отец, бизнесмен, человек и даже как пьяница. У меня всё кончилось, включая людей, места, вещи, деньги, виски и дом, и всё остальное. И не осталось ни одного места, куда я бы мог пойти, кроме как сюда. Однако в мой последней запой мне крупно повезло. Бутылка прибила меня! Она забила меня до смерти, забила меня в ничто, и только тогда я смог присмотреться к Анонимным Алкоголикам. До этого никто бы не смог уговорить меня прийти сюда. Покуда я мог выбирать, я бы не выбрал прийти в АА, и я не приходил до тех пор, пока не потерял всё, включая возможность выбора.

И я утверждаю, что лучшее, что произошло в моей жизни, а мне семьдесят два, случилось в январе 1946-го, когда бутылка добила меня. Если бы мне было необходимо добровольно сдаться для того, чтобы быть здесь, я бы подох, не добравшись сюда. Я не мог сдаться. За сорок три года своей жизни я ни разу не признал поражения. Ни перед Богом, человеком, женщиной или даже Дьяволом. Слово *«сдаться»* не входило в мой словарь. Его искоренили из меня предыдущими поколениями. Слава Богу, что бутылка позаботилась изменить это. Стену снесло, и я пришёл на программу полностью отречённым от самого себя. И всё, что написано в пятой главе книги Анонимных Алкоголиков, я хотел сделать сразу, как только услышал. В первый же вечер, всё, что читали из Пятой Главы, я был готов делать. И я уверен, что это произошло только из-за моего полного отречения от себя, в котором я попал сюда.

Правда я не был уверен, что мне удастся сделать Третий Шаг, но не потому что я не хотел. Я не имел ничего против Третьего Шага. Я бы отдал свою волю и жизнь любому дураку, лишь бы мне избавиться от себя. Но там, где говорится, что мы препоручили свою волю и свою жизнь Богу, как мы его понимали, я не представлял это возможным для себя, так как не считал, что будет честно пытаться сплавить такую дрянь, как я, кому-либо, не говоря уже о Боге. Я бы себя не взял даже с шикарным приданым, и, ненавидя себя, я не мог предположить, что Богу я милей, чем самому себе. Короче, я отложил это дело. Просто отложил. Зато я взял последнюю треть Двенадцатого шага и стал *«применять эти принципы во всех моих делах»*.

Шесть месяцев я ежедневно ходил на собрания АА и вдруг обнаружил, что всё это время я трезвый. Это было чудо, потому что я ходил на все эти собрания в страхе, что я не смогу следовать программе, что у меня просто не хватит физических и моральных сил делать то, что требуется. Но спустя шесть месяцев ежедневных собраний я вдруг осознал, что трезв и что оставался трезвым всё это время. И тогда я стал задумываться над Третьим Шагом, решив, что «может быть, Бог согласится на такой подарочек, как я». Но никакого решения я так и не мог принять. Спустя какое-то время мне в голову пришла такая мысль: *«Ты отец»*. Тогда я стал выдумывать самые страшные преступления, которые могли бы совершить мои дети. В своём воображении я рисовал картины ужасных деяний, совершаемых ими, а потом спрашивал себя: *«Стало бы это поводом отречься от них? Заставило бы это меня отвергнуть их навечно?»* И я отвечал себе: *«Нет, я бы не смог так поступить»*. Что бы они ни совершили, я никогда не смог бы проклясть их. Так я пришёл к мысли, что Небесный Отец, будучи хорошим, может простить меня плохого. Это устроило меня. Но для меня это должно было прийти через какие-то действия.

Как только я понял, что я трезвый уже шесть месяцев, я стал отдавать другим алкоголикам то, что было дано мне. Заблудыги дали мне трезвость. Помогая другим алкоголикам, я вдруг обнаружил, что интересные вещи стали происходить у меня дома. За год до этого жена собиралась разводиться со мной, дети не хотели приходить, когда я был дома, начальник собирался вышвырнуть меня в окно, если я ещё раз попадусь ему на глаза, у меня не осталось здоровья, рассудка, дома, работы или чего-то ещё, и складывалось впечатление, что бой проигран. И вдруг дома стало всё гладко. А это радовало. Это произошло где-то спустя год после моего прихода в АА. А спустя ещё месяцев шесть или восемь я вдруг заметил, что всё ещё стараюсь разгрести всё на своём рабочем столе (мы побеседуем о применении принципов АА в бизнесе чуть позже). Итак, я разгребаю свой рабочий стол, и бизнес идёт хорошо. Сливки. И это радовало! Где-то спустя ещё год я осознал, что я чувствую себя лучше, чем я когда-либо чувствовал в своей жизни. Моё состояние, возможность быть собой оказались лучше любой мечты. И это радовало.

А когда прошло пять или шесть лет, я сделал открытие, которое считаю Великим. Когда это происходит с нами, поиск окончен, и начинается жизнь — она не кончается, она только начинается. Честно! И этим открытием было то,

что я больше не одинок. Я, который сорок три года шёл по жизни одиноким, совешенно одиноким, больше не одинок. У меня был мой Бог. И он там, где я. Я часто один, но я не одинок. И это так с момента открытия, и это было так и до него. Потому что я не был одинок с первого собрания Анонимных Алкоголиков. Я верю в то, что эта наша программа, программа Анонимных Алкоголиков, учит находить, узнавать и избавляться. Вот что такое программа АА для меня. Находить, Узнавать и Избавляться.

Первые девять шагов программы являются шагами поиска, очисткой от обломков прошлого. Наше «я» выжимается из нас; мы избавляемся от нашего эго - временно, потому что, как мне кажется, мы никогда не сможем избавиться от него полностью. Я убеждён в невозможности, пройдя первые девять шагов, не обнаружить, что что-то произошло, и это здорово! Потому что, когда мы честно сделали первые девять шагов, наше эго временно исчезает.

Я абсолютно, полностью, с головы до ног уверен, что в этой жизни существует только одна проблема. Одна проблема, включающая в себя все проблемы, и одно решение этой проблемы, включающее все решения. Похоже на упрощение, не правда ли? Одна проблема, одно решение. Но я уверен, что единственной преградой между мной и вами и мной и моим Богом является человеческое эго. Это единственная преграда. Я, кстати, считаю, что лучшим определением эго, которое мне довелось слышать, является *«чувство осознанного отделения от»*. От чего? От всего. От Бога. (Мне нравится использовать три слова, которые я считаю синонимами: Жизнь, Добро и Бог.) Осознанное отстранение от Бога, друг от друга и, в конце концов, от самих себя. Это то, что говорит мне: *«Вот моё большое я, маленькое я, умное я, глупое я, богатое я и несчастное я против всего мира. Я должен быть умнее, продуктивнее и изворотливее других, чтобы хоть как-то влачить жалкое существование в этой враждебной вселенной»*. Так меня приучали с детства. Крылатые фразы жизни типа «кто первым встал, того и тапки», «не поспел – пропал», «быть первым из первых» стали условиями, на которых всё строилось. Вот он я против всего мира. Я должен быть умнее, продуктивнее и изворотливее других. Сознательно отделяя себя ото всех и от Бога. Я думаю, что это самая большая преграда - кстати, единственная преграда между мной и вами и между мной и Богом. Человеческое эго. Это семя всех наших одержимостей. Вот откуда они приходят.

Ещё я абсолютно уверен, что никоим образом невозможно удовлетворить наше эго. Я люблю сидеть в своём большом кресле (многие из вас видели его, некоторые даже садились на минутку, но я не позволяю никому сидеть в нём долго!) и смотреть поверх маленького городка Лагуна Бич на линию берега и пролив (прямо перед моим креслом Авалон) к Острову Каталины. Это где-то в тридцати четырёх-тридцати пяти милях от моего дома. Я люблюсь водой пролива, а ведь тридцать пять миль – это только на поверхности. Он к тому же глубокий. И я рассуждаю сам с собой: *«Предположим, что весь этот пролив не вода, а виски»*. Много выпивки! Удовлетворило бы это количество виски мою потребность? И я вынужден признаться, что нет. Всего этого чёртового пролива

не достаточно, чтобы утихомирить мою одержимость, потому что когда я начинал пить, то вскоре я пил, лёжа пластом в кровати днём и ночью, и как только открывал глаза - пил, и нет способа удовлетворить эту тягу. Это невозможно.

Предположим, что вместо выпивки я бы испытывал такое же чувство по отношению к деньгам. Что тогда? Та же картина. В течение многих лет у меня был клиент, который жил в Фениксе, штат Аризона. Он был сирийцем, его звали Эдди, и он из пачки зелени сделал тридцать пять лимонов, но при этом был самым нищим человеком, которого я знал. Видите ли, к сожалению, в одном из его бизнесов - а он занимался нефтью - у него был партнёр, состояние которого составляло сто пятьдесят миллионов. У него был «люкс» в престижном клубе - одно из самых шикарных мест, что вы когда-либо в жизни видели: панели из шикарного дерева, коллекции редкого оружия, слоновьи бивни, чучела экзотических животных и всё, что только можно придумать. И когда я сидел там с ними, то Эдди аж из кожи вон лез. Несчастный, у него ведь было только тридцать пять миллионов, а у старика Стила сто пятьдесят. Бедняжка! Эди порой говорил мне: *«Чарли (в бизнесе меня называли Чарли), могу я стать таким, как ты?»*, и я отвечал: *«Нет, не можешь»*. Он спрашивал: *«Почему?»*, и я говорил ему: *«Эдди, зачем тебе Бог, если у тебя есть тридцать пять лимонов?! Кончай дурачиться! Ты можешь купить всё, что ты хочешь, включая женщин, что ты и делаешь. Кому нужен Бог, если есть такие бабки? Иди заработай сто пятьдесят миллионов, ты сможешь, если не погрёшь (потому что всё, до чего бы он ни дотронулся, превращалось в золото). А когда ты их заработаешь, то поймёшь, что они не сделали для тебя внутренней работы. И ты придёшь ко мне и скажешь: «Чарли, могу я стать таким, как ты?»*. Скажу вам, что таким как я можно стать только понимая эти вещи. Но он говорил: *«Объясни мне это»*. И мы с ним катались по штату Аризона, беседуя так же, как мы сейчас тут с вами. Но бедный Эдди не заработал сто пятьдесят лимонов; у него так много всего было в башке, что она взорвалась. Инсульт. Он был на десять лет моложе меня, и его уже лет пять или шесть как нет в живых. Невозможно удовлетворить алчность.

Предположим, что у меня жажда власти. Как насчёт этого? Никаких шансов. Гляньте на Уотергейт: хорошенькая борьба за власть. Жажда власти неутолима. Если ты президент Америки, то в этом нет ничего хорошего, потому что любой диктатор имеет больше власти, чем наш президент. А у Чингиз-Хана было больше власти, чем у всех у них вместе взятых. Это бесконечно.

А как насчёт женщин? Я собрался было сказать *«насчёт секса»*, но это могут не правильно интерпретировать (меня тут в последнее время приглашают побалакать с теми, у кого «отклонения», но, слава Богу, всё никак не получается. Пока что либо я чем-то занят, либо я нахожу себе занятие). Так что *«насчёт женщин»*? Допустим я помешан на женщинах. И допустим, что я самый известный в мире ловелас и что я уже переловил всех женщин, которых хотел, за исключением одной. Вам не кажется, что в моём возрасте это была бы целая армия? Удовлетворило бы это меня? Вроде да. Только вот нет мне покоя

из-за той одной. Короче, если не можешь завоевать их, то союзничай с ними. Мы должны избавиться от своих одержимостей. А для этого мы должны избавиться от нашего эго, потому что они происходят именно от него. Я хочу, Я не хочу, Я люблю, Я не люблю, Я-Я-Я-Я-Я. Вот откуда это.

Именно поэтому в книге «Анонимные Алкоголики» используются такие формулировки. В двух параграфах первой страницы Пятой Главы четыреста пятьдесят два указателя. Вот где огромное количество информации! *«Мы редко встречали человека, который бы строго следовал по нашему пути и потерпел неудачу»*. Я встречал людей, которые утверждают, что слышали, как Билл Уилсон говорил, что если бы он начал всё сначала, то он изменил бы в книге одно слово. Убрал бы *«редко»* и заменил его на *«никогда»*. Так вот, Билл никому такого не говорил, потому что знал, по какой причине он использовал там слово *«редко»*. Если бы он написал *«никогда»*, то я вижу по меньшей мере четырёх человек, сидящих за передним столом, и глядящих на меня, которые бы сказали: *«Никогда не встречали. Ну что ж, придётся показать им!»* Вот почему там написано *«редко»*. И это Билл сам мне рассказал (а я его хорошо знаю).

«Мы редко встречали человека, который бы строго следовал по нашему пути и потерпел неудачу». Однажды мне довелось услышать это в варианте, который звучит лучше, чем это написано. Какой-то парень прочёл: *«Мы редко встречали человека, который бы с удовольствием следовал по нашему пути и потерпел неудачу»*. Я считаю, что это блестяще. *«Не излечиваются те люди, которые не могут или не хотят целиком подчинить свою жизнь этой простой программе; обычно это мужчины и женщины, которые органически не могут быть честными сами с собой»*. Честными сами с собой. Честность и следование пути. Вот уже два указателя. Быть честным и следовать пути, строго следовать пути. *«Они по натуре своей не способны усвоить и поддерживать образ жизни, требующий безупречной честности»*. И здесь указатель. Усвоить и поддерживать. Видите ли, мы те люди, которых никогда не устраивал статус кво. Ничему нормальному мы не уделяли внимания больше чем на секунду. Если это не было лучше обычного, нам это не нравилось. И так было ещё до того, как мы впервые выпили. А значит мы должны это хорошо усвоить и поддерживать, иначе счастливая трезвость превратится в пьянство. Нам надо двигаться. Продолжать движение. Как только мы наполнимся самодовольством и остановимся, мы попали. Значит усвоить и поддерживать образ жизни, требующий неумолимой честности, становится нашей основной работой.

«Такие несчастные есть. Они не виноваты; они просто родились такими». Мне не нравится эта фраза, потому что за двадцать девять лет мне встретились около пятисот людей, утверждающих, что они ограниченно не способны быть честными сами с собой – действительно не способны. Однако я считаю, что если ты ещё дышишь, и все шарниры у тебя работают, то ты не можешь продолжать прятаться за таким оправданием, но иногда мы всё же пользуемся им.

«Вероятность их выздоровления ниже средней. Есть люди, страдающие от серьёзных эмоциональных и психических расстройств, но многие из них всё-таки выздоравливают, если у них есть такое качество, как честность». Я должен рассказать вам одну историю. Я знаю, что многие из вас её слышали. Когда-то в Лос-Анджелесе не было никого, кто бывал на собраниях АА, и один еврей приехал сюда с книгой. Он и не знал, что она у него есть. Пришёл в себя в Палм Спрингс и стал искать бутылку виски в чемодане, а нашёл эту книгу («Анонимные Алкоголики» – первое издание в красной обложке). Он понятия не имел, как она попала к нему в чемодан. Но виски там не оказалось, и он стал читать эту книгу, и продолжал читать её, и она понравилась ему; его впечатлило то, что он читал.

Он добрался до Лос-Анджелеса с этой книгой, нашёл людей, и они решили провести собрание, но они не знали, как его надо начинать. И таким образом в Лос-Анджелесе берёт начало традиция, распространившаяся по всему миру: чтение первой части Пятой Главы. Этот еврей сказал: *«Я не знаю, как начинать собрание, но в этой книге есть глава «Программа в действии», и там именно это и объясняется, так что давайте прочтём».* И они прочли первую часть Пятой Главы. И сегодня вы будете удивлены, узнав где её читают - в Австралии, в Новой Зеландии, в Канаде, в Техасе. Её продолжают читать, и это прекрасно. Каждый раз это чтение напоминает мне о том, что моё выживание зависит именно от этой части Пятой Главы.

Спустя какое-то время полдюжины этих ребят отыскали где-то в бомжатнике одного синяка. Его звали Уайти, и похоже, что Уайте дружил с вином слишком сильно и слишком долго. В ходе собраний он бомотал что-то, просто сидел и всё время бормотал, а это мешало. Тогда они решили отвести его к врачу, чтобы тот сказал им, как быть. Они отвели Уайти к доктору, и тот быстро разьяснил им: *«Ребята, оставьте этого парня. Вы ему не поможете. Лучше потратьте своё время на тех, кому вы можете помочь. Его мозг настолько повреждён, что все ваши попытки – это пустая трата времени».* Ну, разумеется, на следующем собрании они обсуждали, что делать с Уайти. Практически все хотели избавиться от него, чтобы не слышать его мычания на собраниях. Но был там один парень, который вычитал кое-что в Большой Книге, и он сказал: *«Минутку, братва. Здесь сказано, что единственным требованием для участия является желание бросить пить, а Уайти хочет быть трезвым. Мы не можем его выгнать».* И остальные согласились, что именно так сказано в книге, и не выгнали его. И нынче в медицине и в АА документально зарегистрирован факт, что через год Уайти приняли служить в морскую пехоту. Последнее, что я слышал - он заведует какой-то среднезападной газетой. Вот вам и чудо.

«Есть люди, страдающие от серьёзных эмоциональных и психических расстройств, но многие из них всё-таки выздоравливают, если у них есть такое качество как честность. Истории из нашей жизни рассказывают в общих чертах, какими мы были, что с нами произошло, и какими мы стали. Если Вы решили, что хотите обрести то же, что и мы, и у вас появилось

желание сделать все ради достижения цели» – всё ради достижения этой цели – «значит вы готовы предпринять определенные шаги». Для чего это написано? Вам придётся вернуться к началу второго параграфа Третьей Главы и прочесть там: *«Мы уже усвоили, что первым шагом к выздоровлению является полное осознание того, что мы – алкоголики».* Зачем? Почему это там? К началу Третьей Главы? Ведь программа выздоровления в Пятой Главе! Это в Третьей Главе потому, что если мы алкоголики, то мы в ловушке, из которой нам не выбраться. Нам нужна помощь, но мы не можем получить её до тех пор, пока не поймём, что она нам нужна. Замкнутый круг. Мы странная порода. Мы не слышим, пока мы не способны слышать, и не видим, пока мы не способны видеть. И не имеет никакого значения, кто и что нам говорит.

Например, несколько лет назад в штате Вирджиния я провёл долгое время со звездой кино и телевидения; они с женой были алкашами, а я очень тепло к ним относился и надеялся, что мы добьёмся хороших результатов. Днями мы просиживали в Ричмонде, штат Вирджиния, и трепались. И на всё, что я говорил, жена этого человека отвечала: *«А я так и живу. Мне это всё давно известно».* И в таких разговорах мы проводили каждое утро. Они не знали, что я знал, что они только недавно вышли из Меннингера. Оба! (Меннингер - для тех из вас, кто не знает – это дурка.) Но они не слышали раньше, и они не слышали, когда говорил я. И вы услышите здесь многое из того, что, как вам покажется, вы уже знаете - может быть. А может вы услышите многое из того, с чем вы не согласны. Меня и это устраивает. Если вы не согласны и знаете, почему вы не согласны, может быть вы должны тут стоять вместо меня, а я должен сидеть на вашем месте. Но пока что всё будет, как есть.

Разумеется, ещё одним условием является то, что трезвость должна быть главной целью. *«Если Вы решили, что хотите обрести то же, что и мы, и у вас появилось желание сделать все ради достижения цели...»* - это превыше всего. Я один из тех, кто уверен, что до тех пор, пока трезвость не является главной целью, у нас её не будет. И если она перестанет быть главной, мы её потеряем. Вот о чём здесь речь. Это позитив. *«...и у вас появилось желание сделать всё ради достижения цели, — значит, вы готовы предпринять определённые шаги. Некоторым из них мы противились. Мы думали, что можно найти более лёгкий, удобный путь. Но мы такого не нашли. Со всей серьёзностью мы просим вас быть с самого начала бесстрашными в выполнении этих шагов и следовать им неуклонно».* Здесь речь не о головной боли. Мы говорим о смертельной болезни, об алкоголизме. Вот для чего всё это написано здесь. Нам нужна помощь, и мы должны понять, что она нам нужна прежде, чем мы можем получить её, и это должно быть превыше всего.

«Некоторые из нас старались придерживаться своих старых представлений и не добились никакого результата, пока полностью не отказались от них». В книге не сказано, что полумеры дали нам 50%. Там сказано, что полумеры ничего нам не дали. Ничего. *«Мы подошли к поворотному моменту. Всё отринув, мы просили Его о попечении и защите».* Мы отринули всё. А до этого сказано: *«Без*

помощи нам с ним не совладать. Но есть Некто всесильный — это Бог. Да обретёте вы Его ныне!» Это потрясающе. Великолепно.

Вот наша проблема. Мы в ловушке, из которой нам самим не выбраться. Мы уже обращались к людям за помощью. Когда я впервые услышал эти шаги, Первый и Второй оказались решающими. Я знал, что проиграл бой жизни. Я не знал ничего об алкоголизме, но я знал, что бой жизни проигран. И я знал, что моя жизнь стала неуправляема мною. Я по-прежнему знаю это, и это никогда не менялось. Моя жизнь всё так же неуправляема мной. Но это больше не является проблемой. Двойное признание: поражения в Первом Шаге и сумасшествия во втором. Вот два огромных шага для алкаша, первые два. Бой проигран – номер один; ты сумасшедший – номер два. Итак, тебе нужна помощь, срочно нужна; и если ты такой же, как я, то ты уже ходил к проповедникам, священникам, докторам и тем, кто знает психиатрию наизусть, прежде чем ты оказался здесь, на Третьем Шаге. Но тебе нужна помощь, которую ни один человек не в силах дать. И тогда мы решаем препоручить нашу волю и жизнь Богу. Вот об этом следует побеседовать. Это лучшее из того, что есть на Земле. Ничто не сравнимо с чувством, которое мы испытываем, сделав это. Не когда мы читаем об этом, а когда мы делаем это. Отдаём себя целиком этой программе. Принимаем решение препоручить нашу волю и нашу жизнь Богу.

Я не думаю, что кто-то в этой комнате, проанализировав себя, решил податься в Анонимные Алкоголики. Не верю, что даже один найдётся. Если бы у меня была хоть какая-то возможность остаться там, где я был, я бы там остался. Мы не из тех, кто сдаются на каждом углу. Мы так не делаем. Но мы проиграли этот бой, мы сумасшедшие, и нам нужна помощь.

Я уже говорил, что лучшее из того, что могло произойти со мной за всю мою жизнь, - а мне семьдесят три - случилось в январе 46-го года, когда бутылка прибила меня окончательно, и было мне тогда сорок три. Я прочёл статью Джека Александра из журнала Ивнинг Пост в марте 41-го. Жена нашла её, прочла и положила на подлокотник моего кресла, оставив открытой на нужной странице. Я пришёл домой и прочёл эту статью. Я был пьян в стельку, когда читал, и, полагаю, решил, что это очень полезная информация для тех, кому она нужна. Уверен, что именно так я и подумал. И вот пять лет спустя я *«пришёл в себя»*, ничего не помня после четырёхнедельного запоя (моя последняя пьянка началась в пятницу перед Рождеством 1945-го, а *«пришёл в себя»* я где-то в середине января 46-го). Я не помню ни сколько было на часах, ни какой это был день. Но за эти четыре недели то, что удерживало меня, сгорело до тла. И я принял тот факт, что всё, чем я дорожил в этой жизни, исчезло и должно было исчезнуть, и что я не заслужил возврата этих ценностей. Это включало мою жену, моих детей, мой дом, мою работу, моё здоровье, моё здравомыслие и мои деньги. Всё это безвозвратно исчезло. Я знал, что умру, потому что я уже был близок к смерти несколько раз. Однажды я упал лицом вниз на кухне, посинел, и родным пришлось вызывать скорую с кислородом, чтобы спасти меня. Врач, который мне тогда помог, сказал, что по всем признакам я был на том свете, и что они еле вытащили меня, и что никто не сможет снова оживить меня в такой

ситуации. И ещё он сказал: *«На Вашем месте я бы больше не пил!»* Он сказал это не кому-то, а мне. Но я снова напился. И я знал, что умру, и принял это. Но я не хотел помирать с таким послужным списком.

Теперь послушайте, потому как эта ситуация отличается от многих других. Я, честно говоря, и трезветь-то не хотел, потому что знал, что умру. Я для себя уже ничего не хотел, но я не хотел умирать с таким табелем о рангах. Я не хотел, чтобы жена и дети запомнили меня как пьяного бормочущего заплетающимся языком идиота. И вдруг посреди всего этого я вспомнил ту статью из Ивнинг Пост, и только две вещи, о которых в ней говорилось, что пьяницы помогают пьяницам не пить и что они называются Анонимные Алкоголики. И я сказал себе: *«Если я доживу до того, чтобы выбраться из этой койки, я найду Анонимных Алкоголиков»*. И мгновенно занавес упал – бум! – рухнул. У меня больше не было здравомыслия. Я был смертельно больным, пьяным и сумасшедшим; и мне предстояло долго умирать этой смертью.

С момента этого приговора и до сих пор я не пью. Это одна из причин, по которой я безоговорочно верю, что существует только одна преграда между мной и вами и между мной и Богом – это человеческое эго. Единственная преграда. Потому что сегодня я сижу в том же кресле, в котором я просидел десять лет, как в Аду. В этом же кресле я уже двадцать девять лет сижу, как в Раю. С креслом ничего не произошло. Ничего не произошло с моей женой. Ничего не произошло с моими детьми. Но что-то произошло со мной, доказывая, что Рай всегда был в этом кресле. С креслом ничего не случилось, я по-прежнему сижу в нём, и я в Раю. Вот почему в словах Большой Книги так много позитива. Полностью освободиться от себя - там сказано, отринув всё. И препоручить нашу волю и нашу жизнь Богу.

Вот какая у нас проблема. Что-то должно произойти, чтобы мы избавились от одержимости, и именно для этого составлена программа АА. Американская Медицинская Ассоциация (у нас здесь сегодня находятся одни из самых ярких её членов) утверждает, что алкоголизм – это заболевание; у него есть симптомы, они лечатся, но не излечиваются, и если алкоголик хочет жить нормально, он не может сделать ни одного глотка спиртного. Но они не могут нам сказать, как не сделать этот глоток. А книга АА объясняет нам, как избавиться от одержимости, которая заставляет нас пить. Для этого и существует программа АА. Чтобы избавить нас от безумия, вынуждающего нас пить.

Вот почему я сегодня трезвый? Хороший вопрос! Я, бормочущий заплетающимся языком пропойца-идиот. Почему я сегодня трезвый? Сегодня пятница. В четверг вечером мы стартуем, не так ли? Разогрев начинается в четверг, в пятницу зажигаем на всю катушку, а в субботу расплата, ведь так? Трезвеем в воскресенье, слезаем помаленьку, чтоб до работы в понедельник добраться. Точнее, в некоторые воскресенья мы слезаем помаленьку, чтобы добраться до работы в некоторые понедельники. Так почему я сегодня трезвый? Потому что я нашёл то, что искал в бутылке - вот единственная причина. Единственная. Я нашёл то, что искал в бутылке. Что же это? Большая Боль

исчезла. Вы знаете Большую Боль. Дети называют её дыркой в животе, сквозь которую дует ветер, когда они стоят на углу улицы. Когда я услышал, как дети рассказывали об этом, я подумал, что они ходили на одно из наших собраний и услышали это там. Я был уверен, что они умыкнули это у кого-то из этих комнат. Но это не так. Я узнал, что именно детям принадлежит описание чувства, похожего на ветер, который дует сквозь большую дырку в животе, когда ты стоишь на уличном углу. Большая Боль – она исчезла. Я больше не в борьбе с собой, с вами, жизнью, Богом или Дьяволом. Я в мире с собой и с вами, и с моим Богом. Это единственная причина, по которой я сегодня трезвый.

Когда я говорю, что я алкоголик, это означает, что я не могу жить и пить, но и сам по себе я не в силах отказаться от выпивки. И это такая же правда сегодня, как и тридцать лет назад. В Первом Шаге сказано, что мы признали своё бессилие перед алкоголем и что наша жизнь стала неуправляемой для нас. Я перерыл всю Большую Книгу и оригиналы рукописей, с которых она была напечатана, и последнее издание, но так и не нашёл чтобы там говорилось, что после десяти, двадцати или двадцати девяти лет трезвости моя жизнь станет управляемой для меня. Нигде такого не сказано – я искал – там этого нет!

И сверх того мой личный опыт после двадцати девяти лет трезвости подтверждает, что моя жизнь уже никогда не сможет быть управляема мной. Но слава Богу, что это больше не представляет собой проблему, потому что у меня есть Одиннадцатый Шаг; я уже двадцать девять лет живу с помощью этого Шага. *«Стремилась путем молитвы и размышления углубить соприкосновение с Богом, как мы понимали Его, молясь лишь о знании Его воли, которую нам надлежит исполнить, и о даровании силы для этого».* Я живу в полной уверенности, что он направит меня туда, куда надо, и именно так и происходит. Вы можете спросить: *«А откуда ты знаешь, что это так?»* У меня элементарный ответ: мне ещё никогда не было так хорошо. Это единственная хорошая жизнь, которую я когда-либо знал, единственная лёгкая жизнь, которая у меня была за всю мою жизнь. И у меня есть двадцать девять лет трезвого взгляда на то, что я имел в течение двадцати пяти лет, будучи пьяным или пьющим, и девятнадцать лет до этого. Вот и получилось, что это единственная хорошая и лёгкая жизнь, которую я имел. Настоятельно рекомендую её. Таков способ избавиться от одержимости.

Вот шаги, которые мы предприняли. Мы трезвые. Не говорите: *«Вот шаги, которые мы прочитали, или услышали, или выучили наизусть».* Не говорите так. Не говорите: *«Вот шаги, которые мы интерпретировали».* Этого нет у нас в книге, так что не говорите этого. Не говорите: *«Вот шаги, которые мы заманили Бога сделать за нас».* Были тут разные люди, считающие себя экспертами интерпретации шагов. Один парень из долины некоторое время продавал свои интерпретации и учил, как делать по ним шаги, а потом он сорвался! Его меры отправились псу под хвост. В книге так не сказано. Там говорится: *«Вот шаги, которые мы предприняли...»*, а предпринять их мы должны потому, что мы в ловушке, из которой нам самим не выбраться. Нам нужна помощь, получить которую мы не можем, пока не осознали, что она нам нужна.

Первые три шага – это шаги решения. Четвёртый и Пятый – шаги действия. Мы *«глубоко и бесстрашно оценили себя и свою жизнь с нравственной точки зрения»*. Мы пишем – книга однозначно говорит о том, что всё это следует написать. У нас получается правильно, если мы пишем. Это занимает чуть дольше, но нам это на пользу, поэтому мы пишем. Так как это моральная инвентаризация, нет нужды описывать каждую ситуацию, в которой мы пошли налево там, где должны были пойти направо. Это не значит, что мы обязаны перечислить всё, что мы украли, или каждую сказанную нами ложь, или каждый раз, что мы напивались. Суть не в этом. Но мы должны написать достаточно, чтобы увидеть, что являлось побуждающим нас фактором. Нашей движущей силой. Конечно, если мы хотим упростить, то всё сводится к одержимости, которая является нашим эго. Все они будут сведены к попыткам удовлетворить его, а это невозможно сделать. Итак, мы пишем, а потом мы делимся этим. Мы признаём это перед Богом, собой и другим человеком. Этот другой человек выводит нас на нужную позицию. Я могу признать перед Богом и собой, оставляя это в тайне! Никто кроме меня и Бога не знает. Но если я разложил всю эту грязь перед другим человеком, и после этого у меня осталась хоть капля эго, то я ничего не сделал! Этот шаг убивает эго.

Итак, мы пишем, потом мы делимся этим, а потом мы должны избавиться от этого, и мы избавляемся. Я везде встречаю людей, которые ломают головы над тем, как избавиться от одержимостей – от недостатков. Готов поспорить, что миллион часов было потрачено на споры о том, почему в Шестом Шаге сказано: *«Полностью подготовили себя к тому, чтобы Бог избавил нас от наших недостатков»*, а в Седьмом Шаге сказано: *«Смиренно просили Его исправить наши изъяны»*. И миллион часов потрачено на вопрос: *«Какая разница между «недостатками» и «изъянами?»* Должна же быть какая-то разница! Я спросил Билла, и он сказал: *«Я не знаю, но по-моему я просто не хотел закончить два рядом стоящих предложения одинаковым словом. Они означают одно и то же»*. Вам не кажется, что теперь дебаты по этому поводу можно прекратить?

Но главное, что мы приготовились избавиться от них, и мы от них избавляемся. Если бы мы могли справиться с нашими недостатками, мы бы избавились от них до того, как пришли сюда. Я не скакал от радости и не визжал от восторга: *«Ой, как здорово, что я пойду к Анонимным Алкоголикам!»* Уверен, что и моя мать не растила меня для того, чтобы я стал членом АА. Ей девяносто шесть, и она до сих пор не верит в это! Когда я говорю: *«Я трезвый двадцать девять лет»*, она отвечает: *«Ну и что в этом особенного, я трезвая девяносто шесть лет!»* Короче, мы приготавливаемся избавиться и избавляемся от наших изъянов.

Теперь у нас остались ещё два самых лучших шага. Самые эффективные шаги из всей программы, дающие незамедлительные результаты, - это Восьмой и Девятый. Мы *«Составили список всех тех людей, кому мы причинили зло, и преисполнились желанием загладить свою вину перед ними. Лично возмещали причинённый этим людям ущерб где только возможно, кроме тех случаев,*

когда это могло повредить им или кому-либо другому». Если вы ещё не сделали этого, сделайте. Сделайте как можно быстрее. Гора весом во весь мир упадёт с ваших плеч, если вы честно сделаете Восьмой и Девятый.

Я расскажу вам одну коротенькую историю. Многие из вас знают её, но я до сих пор обалдеваю от неё. Лет десять назад, в пятницу вечером мне позвонил один парень из Уиттиера и сказал: *«Чак, я сижу здесь с заряженным револьвером и собираюсь застрелиться. Но Джим сказал, чтобы я поговорил с тобой прежде, чем я это сделаю, и он дал мне твой телефон; вот я и звоню, чтобы поговорить. Что скажешь?»* И я ответил: *«У меня сейчас нет времени! Я выступаю на собраниях сегодня вечером, завтра вечером и в воскресенье вечером, но в понедельник вечером я свободен. Если хочешь встретиться, приходи ко мне в понедельник. Ну а если не хочешь, то стреляйся»*. Именно так я ему и сказал. В 7:30 вечера в понедельник раздался звонок в дверь, и парниша вошёл ко мне. Здесь надо кое-что пояснить. Джим уже много лет является мужем Сибил. А она четырнадцать лет проработала у нас в Центральном Офисе; а Джим заядлый игрок, который создал общество Анонимных Игроков и написал их книгу. Позже он оказался ещё и алкоголиком, и, позвонив мне однажды, сказал: *«Приезжай заведи меня»*. Я спросил: *«Где ты?»* Он был в своём офисе в Пико, и я приехал и забрал его. Он протрезвел. Сейчас он болен и плохо видит, но он трезвый. Я говорил с ним на днях по телефону, и он был в хорошем настроении.

Короче, Джим сказал этому пареньку, что сам он не только алкоголик, но и заядлый игрок. И он так же сказал, чтобы тот поговорил со мной, прежде чем наложит на себя руки. И вот он здесь. Ну мы стали беседовать, и в 2:30 ночи мы оказались как раз там, где мы сейчас – на Восьмом и Девятом Шаге, – и я втолковываю этому дурику: *«Вот что тебе придётся сделать. Ты проиграл много денег, которых у тебя нет (а он проиграл их профессиональным игрокам). Это не очень хорошо для здоровья и не способствует долголетию»*. Продолжаю объяснять ему: *«Короче так, слушай сюда. Тебе придётся пойти к этим людям и сказать: «Я не тот, за кого себя выдавал. Я алкоголик, и я нашёл способ, который, может быть, даст мне возможность жить только сегодня трезвым до конца моей жизни. Но одним из условий является то, что я обязан возместить причинённый ущерб, и именно поэтому я пришёл к вам. За мною долг. Я должен вам деньги, и я заплачу вам, как только смогу, но сейчас у меня их нет»*. А он мне говорит: *«Чак, я не могу, они меня убьют!»* Тогда я ему сказал: *«Ну и что? Зато ты грех самоубийства не возьмёшь на душу!»* И он засмеялся, и до сих пор смеётся. И с тех пор, как он ушёл от меня, он ходит по улицам свободным человеком и продолжает смеяться, и он по-прежнему трезвый. Он расплатился с ними, никто его не убил. Удивительно. Так что, если вы ещё не сделали Восьмой и Девятый Шаг, сделайте. Гора с плеч, когда сделаете.

В заключение хочу сказать, что Алкоголизм прорезал наше общество сверху донизу. Мы люди разных профессий, разных уровней богатства и бедности, разных вероисповеданий. Среди нас есть учёные и банкиры. Ни один из нас не

пришёл бы сюда, если бы мог избежать этого. У нас проблема, которую ни вы, ни я не в силах разрешить. Нам нужна помощь. И эти первые девять шагов расчищают путь, потому что это шаги, которые помогают нам сдаться. Шаги капитуляции. А капитуляция открывает нам двери к помощи; потому что сам Бог не может помочь нам до тех пор, пока мы не позволим Ему это сделать. Осознание того, что помощь необходима, препоручение нашей воли и нашей жизни Богу и расчистка обломков нашего прошлого являются началом победы. Это чудесно. Не бойтесь этого.

Я уверен, что все мы должны делать это, не относясь к этому слишком серьёзно. Когда мы слишком серьёзны, то ничего не происходит. Если мы ищем что-то слишком усердно, то мы никогда не находим то, что ищем. Я искал это тридцать лет, прежде чем оказался здесь, и я не смог найти. Я не искал этого, придя сюда, но это нашло меня, или мы нашли друг друга. Я не искал ничего, кроме способа жить сегодня без выпивки, чтобы я мог хоть как-то подчистить свой послужной список. А вообще-то я хочу, чтобы нам с вами было весело здесь. Так что не будьте слишком серьёзными. Полагаю вы знакомы с Правилем 62. Некоторые заказывают его себе на машину как номер. Правило 62. Хорошее правило. Есть такая маленькая зелёная книжечка, и на обложке написано «Правило 62». А когда ты её открываешь, то все страницы в ней пустые, кроме той, что посередине. И на ней написано: *«Не принимай себя всерьёз!»* Именно это мы и хотим сделать: повеселиться, не быть слишком серьёзными, но отдавать себе отчёт в том, что у нас проблема, с которой нам самим не справиться. И прежде, чем мы тут закончим, - понять, что то, что я не могу, мы можем с Божьей помощью.